

18+

СВЕТЛАНА ГАМАЮНОВА

КТО
СМОЖЕТ
ВЕРНУТЬСЯ

Светлана Гамаюнова

Кто сможет вернуться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66646986

ISBN 9785005556424

Аннотация

Попасть в свое прошлое и исправить свои ошибки – все ли этого хотят? Она решила попробовать и согласилась на предложение неизвестных экспериментаторов, предложивших вернуть ее во времена юности. Что ждет ее в новой судьбе? Кто они и откуда, задумавшие испытание прошлым? Зачем они ищут людей со сложными судьбами и сильными эмоциями. И так ли уж оно хорошо это будущее, где каждый живет в замкнутом пространстве? Может им тоже лучше устроиться в тихом неспешном прошлом и испытать настоящие чувства? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Кто сможет вернуться	5
Глава 1. Предисловие	5
Глава 2. Отдых	23
Глава 3. Семейное гнездо	34
Глава 4. Автобиография (фрагмент из рукописи)	39
Глава 5. Впечатления от прочитанного	55
Глава 6. Гармонизация (фрагмент из рукописи)	58
Глава 7. Рассуждения	61
Глава 8. Путешествия прабабки. Лазовский заповедник (фрагмент из рукописи)	62
Из дневника Влада Примакова	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Кто сможет вернуться

Светлана Гамаюнова

Дизайнер обложки Дмитрий Галкин

© Светлана Гамаюнова, 2021

© Дмитрий Галкин, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-5642-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кто сможет вернуться

Глава 1. Предисловие

Процесс монтажа передачи шёл вполне успешно. Всё было продумано и подготовлено заранее: концепция, познавательный, исторический материал, заснятые сюжеты, интервью с Роем перед восхождением, и главное – эмоциональный фон, его ощущения за весь период, за каждый момент подъёма. Теперь – правильно совместить их с отснятым видеоматериалом.

Да, к слову, мы готовили передачу из нового цикла «Поднимемся на семь самых высоких гор семи частей света». Имелись в виду не только Европа, Азия, Африка, Северная Америка, Южная Америка, Австралия и Океания, но и Антарктида – туда тоже собирались добраться.

Сейчас мы отсняли первый проект – «Восхождение на Эльбрус».

Вначале пустили познавательный материал для всех, кого может заинтересовать эта тема. Красивые картинки съёмки с приятным голосом телеведущей за кадром:

«Полюбуйтесь – это Эльбрус, высочайшая точка Европы, по своей природе являющийся давно потухшим стратовулканом. Это вулкан конической формы, сложенный из мно-

жества затвердевших слоёв лавы, тефры и вулканического пепла, то есть слоистый.

Гора имеет две вершины – пять тысяч шестьсот сорок два и пять тысяч шестьсот двадцать один метр. Со склонов Эльбруса стекают двадцать три ледника, общая площадь которых сто тридцать четыре квадратных километра. Наибольшие из них – Большой и Малый Азау, Терскол».

На экране плавно прокручивалась панорама ледников сверху и снизу, а обволакивающий голос ведущей продолжал:

«Одной из общепринятых версий происхождения названия горы считается версия персидского происхождения от Elburz – «высокая гора».

У тюркскоязычных народов Эльбрус называется Джин-Падишах – «повелитель духов», у адыгейцев – Къусхьэмаф (Кусхамаф) – «гора, приносящая счастье». «Алатырь-гора» – так в древности предки славян называли Эльбрус. У подножья горы, по поверьям, находился рай – Ирий.

В настоящее время вершины Эльбруса безжизненны. Выше трёх тысяч пятисот метров сейчас вы не найдёте следов человека. До этой высоты кое-где встречаются редкие поселения местных жителей, занимающихся скотоводством и земледелием. Никто не поднимается на пики ни с юга, ни с севера. Только ветер, снег и лёд безраздельно царствуют там, а ведь в двадцатом и начале двадцать первого века на вершины Эльбруса поднималось до ста и более человек

в день...»

Проплыли кадры кинохроники, где по белому леднику, покрытому снегом, в связках идут люди.

«Шли они по набитым, протоптанным тропам. По снежникам скользили лыжники и сноубордисты.

Теперь уже наши герои пройдут путь почти по девственному насту, минуя ледниковые трещины, коварно притаившиеся под снегом. Вы сможете прожить с ними одиннадцать дней подъёма на вершину, ощутить экстрим восхождения и прочувствовать все трудности и великолепие увиденного, как будто это идёте вы, а не кто-то другой. Наши технологии позволят вам буквально прожить эти одиннадцать дней, ощущая каждую минуту пути.

Присылайте заявки на участие в первой экспедиции из серии восхождений «Поднимемся на семь самых высоких гор семи частей света». Вы проживёте эти одиннадцать дней, как их прожил Рой Светов. Вы станете Роем. Вы будете чувствовать и дышать, как он. Увидите красоту удивительной горы, вдохнёте аромат цветущих долин предгорий, попробуете на вкус приготовленную на снегу пищу, подышите морозным воздухом вершин и ощутите радость покорения самой высокой точки Европы!

Делайте заявки, и уже в следующую пятницу вас подключат к трансляции. Это станет непередаваемым приключением, которое даст вам столько новых эмоций, сколько вы не получали уже давно. Как поётся в старой песне – «Лучше

гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал». Вы с нами, господа?»

Дальше по сценарию шли слова Роя. Он кратко рассказывал о предстоящем маршруте.

Рой – хороший парень, и голос у него в меру мужественный, низкий, с приятной хрипотцой. Внушающий доверие. Сам он широкоскулый, с небольшой брутальной щетиной, короткой стрижкой на светлых волосах и с голубыми глазами, смотрящими прямо в душу. Этот парень – наша лучшая находка для проекта. Хотя его физическая форма могла бы быть и посерьёзнее, но нам вполне подходила. Мы сразу поняли, что он сможет подняться на вершину, а его эмоции будут яркими и впечатляющими.

Увидев его впервые на кастинге, мы с Яром переглянулись одобряюще. Вполне. С таким, пожалуй, можно иметь дело, решили мы два месяца назад – и не ошиблись.

Рой говорил спокойно, со знанием дела. Уверенно, интересно:

«Мы с ребятами – Ильей, Стивом и оператором Яром – поднимались к вершине по южному склону. Раньше южный склон Эльбруса вроде как считался относительно несложным, да и поднятие на него специальной подготовки не требовало – несколько месяцев ежедневных пробежек и, если ты легко справляешься с горной болезнью, – дойдёшь и увидишь заветный треугольник на пике горы. Но сейчас многое изменилось. Нет набитой тропы, только первозданный снег.

Нет обжитых приютов с обогревом и запасами еды, нет трапов, которые подвезут поближе к вершине. Надо идти самим – вверх и вверх, шаг за шагом. Для успешного восхождения сейчас нужна как хорошая физическая подготовка, подходящее снаряжение, так и, конечно, везение».

Рой продемонстрировал свои горные ботинки, кошки, ледоруб, очки; встряхнул легкой, но тёплой пуховкой на гагачьем пуху, развернул невесомый рюкзак.

«Я очень благодарен Илье и Стиву. Они классные ребята. Особо приятно восходить с таким непревзойденным оператором, как Ярослав. Он профи и отличный выживальщик.

Погодные условия – один из важнейших факторов удачного восхождения. Здесь вам не равнина, здесь климат иной. Погода после трёх тысяч пятисот метров меняется очень стремительно и непредсказуемо. Утром она, обычно, хорошая, но к вечеру часто портится. Может налететь сильный ветер, сбивающий с ног и рвущий палатку, или опуститься туман, который закрывает кругозор и отрезает вас от мира, обволакивает и проникает холодными мокрыми лапами под одежду. Или можно попасть в пургу, когда ничего не видно дальше трёх шагов.

На высоте вечером и ночью очень холодно: температура десять и даже пятнадцать градусов ниже нуля среди лета не редкость, а уж ближе к вершине... Но об этом позже.

Сейчас я покажу, как мы шли».

Указка скользнула по схеме маршрута.

«Наш путь начинался в лагере на высоте две тысячи пятьсот метров на поляне Эммануэля, а серьёзное восхождение началось от приюта «Бочки» (конец канатной дороги, 3720 м). Её обещают включить, если появятся горнолыжники, но их давно нет, она не сломана, просто стоит без дела. Подъём шёл практически ровно вверх под Восточную вершину. Поднимались, – лазерная точка скользнула по маршруту, – мимо бывшего «Приюта одиннадцати» (4050 м), мимо других сиротливых, брошенных приютов, к скалам Пастухова, это где-то четыре тысячи пятьсот пятьдесят-четыре тысячи семьсот метров, оттуда до высоты примерно пять тысяч сто метров. А затем по так называемой «косой полке» – выход на седловину (5416 м). Далее от седловины подъём на любую из вершин на выбор.

Вы спросите, как долго длился подъём. Как правило, продолжительность восхождения с учётом акклиматизационных выходов, погоды и степени готовности восходителей занимает около десяти-двенадцати дней (непосредственно путь от «Приюта одиннадцати» до вершины для подготовленных спортсменов занимает пять-шесть часов). Всё время восхождения заняло у нас одиннадцать дней. Хочется, чтобы вы прожили их с нами!

Впрочем, всё это слова, но мы хотим передать вам ощущения во время восхождения. Наши технологии позволяют прочувствовать все нюансы, как прочувствовал их я. Вы всё ощутите сами. Поэтому, незабываемых приключений и уди-

вительных ощущений, дорогие телезрители!»

Рой улыбнулся располагающе и загадочно. Отличный эпизод. Мы продолжили монтаж съёмок восхождения с накладкой эмоций Роя.

Первый день пути. Вот мы вчетвером едем по горной дороге в лагерь на высоте две тысячи пятьсот метров на поляне Эммануэля. Панорамная съёмка. Вершины Эльбруса, к сожалению, скрыты «флагами» – облаками, которые опускаются на пики и там зависают – и поэтому не видны во всем своём величии.

Альпийское разнотравье, маленькая горная речка перекатывает с шумом небольшие камушки. Рой ходит, стараясь не растоптать цветы. Находит в скалистой расщелине, к которой трудно подойти, невзрачное растение и, с восхищёнными восклицаниями, наклоняется над эдельвейсом – ещё бы, увидел живую символ гор! По мне, так себе цветочек, серенький, но трогательный в серебристом опушении. Всё заснято. Яр работает, не переставая.

Снимаем наблюдения Роя за сусликом. Он проводит удивленным взглядом поджарую серую задницу, нырнувшую между камней.

Сусликов здесь множество. Их норы повсюду. Вот они застывают столбиками, возбуждённо и возмущённо пересвистываясь. Кто это посмел потревожить их владения? Они здесь безраздельные хозяева, если, конечно, не считать лютики и другие растения. Пожалуй, только цветов здесь боль-

ше. Сделали шикарный кадр, где Рой пытается поймать красивого крупного «аполлона».

Разбиваем палатки для ночёвки. Разводим из принесенных с собой дров костер. На этой высоте их уже не найдешь. Разогреваем готовую еду, пока ещё есть, что разогревать. Ночевка на поляне в палатках.

Для первого дня даже многовато отснятого материала. Много вырезаем. Особая аппаратура фиксирует эмоции Роя – насыщенные, восторженные. Зрителям понравится. Ему, да и нам тоже, хочется восторженно, во всю глотку, кричать: «Я тут, в горах!!! Не верите!?! Тут здорово!!! Я пойду и дойду до самой вершины!!!» Эйфория.

День второй тратится на акклиматизацию. Это подъём без рюкзаков на высоту три тысячи двести метров к «каменным грибам». Дорога проходит через так называемый «Немецкий аэродром» – ровную глинистую поляну. Поднявшись, отдыхаем и привыкаем к высоте. Вернее, привыкает Рой. Мы втроём уже месяц как занимаемся этой самой акклиматизацией, подготавливая маршрут. Хорошо, что камеры стали не такие большие, но оператору, из нас троих, сопровождающих, сложнее всего. Он должен следовать за Роем по пятам. Надо не упустить интересный момент. Каждый миг съемки – вместе с эмоциями Роя – это прожитый зрителями миг. Хорошо, что у нас есть множество заснятых до этого эпизодов, иногда можно переключиться, подстраховаться. Эмоции Роя считываются постоянно. Аппарат прикреплен у него на лбу

и не сбоят. У нас имеется запасной, но он не пригодился. Эти аппараты – что-то невероятное. Фиксируют малейшие изменения человеческих чувств – от восторга до усталости, от перевозбуждения от увиденного до осознания, что ты такой незначительный в этом величии скал, льда и снега. У Роя при каждом взгляде на вершину возникает подобное перевозбуждение. Он то прыгает, то кричит: «О-го-го!!! Смотрите, я тут!!!». Да и мы недалеко ушли от желания кричать от счастья и восторга.

К вечеру спускаемся в базовый лагерь на двух тысячах пятистах метрах. Готовим пищу. Рисовая каша быстрого приготовления с тушеным мясом. Вкусно. Проголодавшийся Рой жмурится от удовольствия. Неспешно идет беседа о том, как многолюдно тут было раньше. Как интересно было послушать альпинистские байки уже спустившихся с вершины людей и смущённые расспросы новичков. Лыжники и сноубордисты бороздили склоны по нетоптаному снегу. Сейчас никто никуда не ходит, только мы – небольшая группа собирателей впечатлений. Мы работаем для потребителей этих впечатлений, наших толстых, чтобы не сказать жирных, телезрителей. Мы с Яром иногда зовём их просто пожирателями эмоций. Но это наша работа, наш хлеб и наша жизнь. Благодарим Бога за такую возможность.

Яр рассказывает, что читал, как люди двадцатого – начала двадцать первого века жгли у палаток костры, пели песни под гитару, обменивались сувенирами. Он тихонько запева-

ет что-то из старинного репертуара. Мы специально заранее продумывали, готовили эту сцену, она пробивает на сильные эмоции. Хорошо получается её отснять. Не нарочитой, а вполне непринуждённой. Очень к месту здесь и сейчас прозвучала эта песня Визбора. Мы нашли её в старых записях. Голос у Яра низкий, продирающий до глубины души. Он поёт, а мы со Стивом, подпеваем:

*Вот это для мужчин —
Рюкзак и ледоруб,
И нет таких причин,
Чтоб не вступать в игру.
А есть такой закон —
Движение вперед!
И кто с ним не знаком,
Навряд ли нас поймет.
Прощайте вы, прощайте,
Писать не обещайте,
Но обещайте помнить
И не гасить костры.
До после восхожденья!
До будущей горы!..*

Тут уже и Рой подпевает. Песня закончилась. Сейчас тишина. К вечеру даже суслики перестали пересвистываться. Тишина абсолютная, отчего хочется прочистить уши, вдруг их заложило?

На третий день продолжаем акклиматизацию. Теперь уже

с рюкзаками поднимаемся на высоту три тысячи двести метров для ночевки в палатках. Разбиваем лагерь и делаем вечернюю прогулку ещё немного вверх налегке, без рюкзаков. С этого места уже прекрасно виден снежный купол Эльбруса. Впечатляет, возбуждает и дарует причастность к чему-то невероятному. Красиво, захватывающе, нет слов. Но эмоции Роя публика прочувствует.

Четвертый день. Поднимаемся на высоту три тысячи восемьсот метров. По дороге нас, неожиданно, застала снежная буря. Налетела крошевом снега с льдинками. Подъём прекращаем. Стоим, сгрудившись, прислонившись друг к другу. Накрылись большой накидкой, с трудом её удерживая. Ветер рвёт её и одежду. Но вскоре стихает, снег начинает падать большими хлопьями. Он настолько плотный, что видимость составляет не более метра-полтора. Время остановилось, и казалось, что это никогда не закончится, и нас заметёт, погребёт под снегом. Так простояли два часа.

После снегопада, утопая в сугробах, проверяя каждый сантиметр пути (вешки занесло), чтобы не попасть в трещину, доходим до ровной площадки и разбиваем лагерь. Опять светит солнце, стараясь добраться и заклеить незащищенные участки кожи. Размещаемся и отдыхаем. Начало огромного ледника, стекающего с Эльбруса, находится в ста метрах от места, где мы разбили палатки. Их две. Я сплю с Роем. Стив с Яром. С этого места хорошо просматривается маршрут подъема на вершину Эльбруса.

Пятый день. Семь утра, стелющиеся солнечные лучи, чуть-чуть касающиеся снега, звенящий воздух. И он – двуглавый великан в шапке из белоснежного пуха. В горах, после обеда, уже наползает молоко, набегают тучи, может сыпануть снежок. Иное дело сейчас, после пробуждения: погода радует. Акклиматизационный подъём налегке до высоты четыре двести. Это так называемый высотный пилообразный график акклиматизации. Основное время дня уходит на эти хождения туда-сюда по склону горы с целью адаптироваться к высоте. Мы объясняем Рою, который удивляется этому, на его взгляд, достаточно бесполезному хождению, что акклиматизация – это работа, еда и сон. Сон и еда в основном, понятное дело, приходится на вечер, хотя аппетит немного падает. Снижение аппетита в таких условиях – обычное явление, даже если у вас нет признаков горной болезни.

Уже ощущается недостаток кислорода. Тренированный молодой человек, обычно, достаточно неплохо себя чувствует до высоты пять тысяч метров. Выше этой отметки в любом случае самочувствие резко ухудшается. По этой причине программа восхождений строится по принципу: подъём на высоту – краткое пребывание там – спуск – подъём чуть выше – ночёвка – отдых – подъём чуть выше – спуск и так далее. Проведение снежно-ледовых занятий и обучение навыкам альпинизма. Рой учится легко, до восхождения мы ему много рассказывали об особенностях подъёма и поведения на высокогорье, и тренировались.

Идём. Хочется сесть. Но сидение расслабляет, можно потерять тонус и не встать. Однажды Рой присел на тридцать секунд отдышаться, а потом мы дергали за веревку, потому что он уснул.

Спуск в лагерь на три восемьсот и отдых.

Шестой день. Не хочется вылезать из палаток. Спим плохо, крутимся. В голову лезет всякая чепуха из рассказов старых альпийских волков о трупах, замерзших в ледниковых трещинах. Разбитость.

Рассвет непередаваемого космического вида. Невероятный восторг от увиденного придаёт силы. Оставляем рюкзаки в лагере и налегке поднимаемся до высоты четыре тысячи восемьсот метров. Идем по двадцать шагов, считая каждый шаг. Три-пять дыханий – передышка, потом по три вдоха на один шаг, потом по четыре, ноги переставляем, как астронавты в скафандрах на Луне. Все в разной степени ощущают признаки горной болезни. У всех тут, так или иначе, начинаются проблемы с самочувствием. Кого тошнит, кого мотает.

На отметке четыре восемьсот на два часа задерживаемся, отдыхаем – это нужно для лучшего привыкания организма к условиям высокогорья. Солнце яркое, обжигающее. Спасают только крем и очки. Опять идем. Постоянно хочется пить, хотя на стоянке выпили несколько кружек. Термосы быстро пустеют. Вокруг снег, камни. Дышать трудно. Ощущение вакуума во всём, давит на голову, будто половина мозга сплю-

цена или удалена, а вторая половина работает непривычным образом. Кто-то рядом говорит, а кажется, что за тридевять земель – голос с трудом проходит через разреженный воздух. Яр считает, что это горные глюки, и что поход в высокие горы – здоровая альтернатива наркомании. Наконец, в лагере и отдыхаем.

Седьмой день. День отдыха на высоте три восемьсот. Отдыхаем и набираемся сил перед послезавтрашним восхождением на обе вершины Эльбруса. Даже мы, тренированные ребята, чувствуем, что надо сделать перерыв. Рой держится хорошо, но видно, что ему непросто.

На восьмой день запланирован акклиматизационный выход до скал Пастухова. Нам нужно подняться по снежно-ледовым полям Эльбруса с трёх тысяч восемьсот до четырёх тысяч семьсот метров.

С погодой как всегда – то снег, то солнце. Идем до скал очень медленно – семь часов. Идти настолько тяжело, что невозможно шагать и дышать одновременно. Сил хватает только на что-то одно. Три вдоха. Три шага. Три вдоха. Три шага. Спускаемся два часа. Хорошо, что мы заранее с ребятами ещё при подготовке пробили вешки, приблизительную тропу, иначе бы сейчас сбились с маршрута. В нехоженных местах могут быть трещины во льду, в которые легко провалиться. А там – как повезет выбраться. Можешь повиснуть на веревках, и ребята вытянут, а можете уйти туда вместе. Самостоятельно выбраться из трещины практически невоз-

можно, а замёрзнуть насмерть легче лёгкого. Осторожность и внимательность – вот наш девиз.

Пусть Эльбрус и потухший вулкан, выходы розовых лав недалеко от нашего приюта давно застыли, но иногда можно ощутить признаки вулканической активности. Так, Рой и Яр, ощущают запах серы. Устанавливаем палатки. Ветер такой, что если не натянуть их правильно, сорвёт. Здешние ураганы уносят и рвут в клочья буквально всё. Если ткань палатки не натянута до состояния барабана, она будет хлопать на ветру, и швы расползутся за один час.

Наконец, отдыхаем.

Девятый день. Сегодня попытаемся подняться на вершину. Ночь. Побудка в два часа – и начинаем восхождение. Нам везет с погодой, она могла испортиться, но ночью вероятность меньше – поэтому это одна из причин столь раннего выхода.

На равнине ночь редко бывает такой абсолютно чёрной. Там горизонт, обычно, светел. Всегда что-нибудь светится, горит, а здесь, на высоте четыре тысячи семьсот метров, идеально чернильный мрак. Была бы луна, стало бы светло как днем, настолько она большая и яркая. Но её нет. Под ногами – плотный, словно натёртый до серебряного блеска, снег. Звёзды непривычно близко. Они как будто приблизились к нам на тысячи парсек, и пылают, мерцают холодным светом. Сразу не разглядеть знакомые созвездия, потому что в таком множестве светящихся точек разобраться по-

что невозможно. Но потом вычленишь их и радуешься, как ребенок, узнав ковш Большой Медведицы. Поднимаем лица вверх и впитываем немножко звёздного света, обращаемся к кому-то там, нверху, чтобы помог.

До восхода солнца делаем короткие остановки для отдыха. Тут-то и понимаешь, насколько холоден Эльбрус: руки и ноги моментально начинают замерзать, даже перчатки, термоноски и ботинки для восхождения не спасают на сто процентов от холода. В летнее время температура на вершине Эльбруса может опускаться до минус тридцати, а зимой – и ниже, до минус сорока градусов по Цельсию. Когда идёшь днём, то все пуховики снимаются, так жарко.

Вершина горы выглядит предательски близкой. Рукой подать. А мысль, что «вот ещё чуть-чуть, и я дойду до вершины», гонит вперёд. И в этом главное коварство горы. Надо рассчитывать силы. Чем выше вы поднимаетесь, тем разреженной становится воздух, тем большую слабость, головную боль и тошноту вы ощущаете. В общем, с рассветом уверенность в себе у всех испаряется.

Идём еле живые, считая каждый шаг, оббивая налипший снег с кошек. Ледник на метры вокруг отзывается пением, скрипом, гудением.

Вначале поднимаемся на восточную вершину – пять тысяч шестьсот двадцать один метр. Там проводим пятнадцать минут и спускаемся на седловину между вершинами. Небольшой отдых с перекусом шоколадкой. С радостью

оставляем рюкзаки, и налегке начинаем подъём на западную вершину – пять тысяч шестьсот сорок два метра. Там фотографируемся возле пирамиды – геодезического знака – знаменующего, что мы поднялись на самую высокую точку Европы. Ура! Мы смогли! Рой счастлив, да и мы тоже.

С вершины спускаемся на седло и идем вниз к лагерю.

Десятый день. Непогода не позволила продолжать спуск – снегопад. Сидим в палатках, обогреваясь маленькими свечками. Еду готовим в тамбуре. Хочется тепла и защищенности.

Одиннадцатый день. С утра ясно. Выглядываем из палаток. Ослепительный диск солнца и еще более ослепительный снег. Откапываем, сворачиваем палатки – и вниз. Спешим, чтобы погодное окно не закончилось. Уходим отсюда поскорее, чтобы не попасть опять под руку разгневанной горе.

Спускаемся на высоту две тысячи триста метров. Местный житель перевозит нас на поляну в предгорье. Там кемпинг, где мы отдыхаем и ждём машину для отправки домой. Пьём нарзан. В десяти шагах друг от друга могут быть ключи с водой совершенно разного вкуса и цвета. Напиться невозможно, как и расслабиться. Пока.

Напоследок включаем голос Роя, обращенный к телезрителям:

«После гор, как мне кажется, уже ничто не может так впечатлить человека: ни море, ни пустыня, ни водопады, ни цветущие сады – все пресно, скучно, не драйвово. Хочу опять

в горы. Вы меня поняли, дорогие путешественники?»

Всё. Мы втроем вздыхаем. Последний раз проверяю совместимость съёмки и эмоций. Отличное совпадение. Показываю большой палец. Стив хлопает меня по плечу. Яр, оператор отснятого материала, вытирает лоб. Звукооператор и монтировщик довольны. Передача готова. Эмоции Роя яркие, искренние, неординарные. Нашим пожирателям впечатлений, уверен, будет приятно их переживать. Проживут они эти одиннадцать дней, не поднимая тела с дивана, потребляя предлагаемый к просмотру суррогат пищи – нужного рациона, а на двенадцатый закажут бутылок пять пива, чизбургер или пиццу и будут вспоминать «своё» восхождение, лениво потягивая пиво, откусывая большие куски пиццы, так же лениво их пережевывая, икая и причмокивая жирными губами.

Как же я их люблю!

Глава 2. Отдых

Сегодня мы отдыхаем. Решили отпраздновать конец восхождения и успешного монтажа передачи и немного расслабиться. Связались с нашими выживальщиками, кто в ближайшем обозримом пространстве находится, предложили посидеть у костерка и побеседовать. Костер с мангалом – наши «тайные» позывные. Когда они звучат, значит, хочется и есть повод встретиться. Место недалеко от одного из современных мегаполисов. У нас там с Яром небольшой домик возле реки с банькой и садиком.

Собралось восемь человек, почти ближний круг, те, кто не в поле. В виде исключения решили позвать Роя. Он показал себя человеком, не этим... Обнялись, что уже нарушение общественных норм поведения, проверили его и друг друга на наличие жучков прослушки, так, на всякий случай, не нашли и успокоились.

Разместились, вынули замаринованное настоящее мясо, разожгли мангал, добавили углей, накрыли поляну. В этот момент над нами медленно пролетел дрон, наклонился, контролируя и снимая. Яр послал ему зелёный сигнал с логотипом выживальщиков, и механический наблюдатель полетел восвояси. Нам можно. Нам законы изоляции не писаны. Мы привиты, отмыты, с отличным иммунитетом, и имеем высочайшее разрешение находиться в любой точке планеты в лю-

бое время. Мы его заработали. Да, мы осколки свободного мира, свободного духа и тела, которому позволено неограниченное свободное передвижение по планете.

Нас, таких (высшая элита мира не в счёт), не так много и мы знаем всех, или почти всех, поименно. Мы – это выживальщики и наши операторы. Специализируемся на разном. Мы с Яром и десятью ребятами – альпинисты. Наверное, самая немногочисленная команда. Есть группа подводников. Она значительно больше. Они снимают подводный мир, животных, там обитающих, красоты океана. Их работа очень востребована. Другой мир, совсем иной, возбуждает интерес, порождает эмоции у обывателей. Есть следящие за зверьём, птицами и другой живностью, и снимающие их. Есть «туристы» – отыскивающие интересные места на поверхности Земли. Есть группа, специализирующаяся на культурных памятниках. Они тоже путешествуют без ограничений. Мы все проверенные вседержательной киноиндустрией, получившие от неё сертификат на свободное передвижение. Нужные спецы. Нам разрешено ходить самим, готовя маршрут, просматривая местность, пробуя её на «эмоциональность» восприятия. Операторы, такие, как Яр, часто тоже ходят с нами, просматривая видовые точки. Мы все зависим друг от друга, связаны профессией. Мы не прячемся по норам и ненавидим закрытые помещения. Мы необычные странники, исключения этого всеобщего индивидуального квартирному рая, его квадратных метров с фильтрован-

ным воздухом, готовой едой, жвачкой телепередач и оккупацией гаджетов. Мы не позволяем миру лезть в душу, мозги и мысли. Мы – это мы.

Костер весело потрескивал, новый механизм отпугивал комаров, а мы жарили мясо и тихо переговаривались. Яр что-то наигрывал на гитаре —иногда ностальгическое, иногда шутовское, типа:

*Никто не идёт по свету,
Ребятам немного надо:
Была бы тепла кроватка
И гаджет инфой мигал.
И взгляд от него не отводит,
И даже во сне находит
Он пальцами инстаграм.*

Ну, его, этот «наш» не наш мир. Мы изгой, приبلудные дети, не соблюдающие всемирных реалий.

Наш мир, что о нём говорить? После нескольких пандемий двадцать первого века людей осталось значительно, значительно меньше, чем в его начале. Мир безвозвратно изменился. И никогда не станет прежним. Об этом знали еще тогда. Знающие люди делали то, что считали необходимым для изменения человеческого поведения: изгоняли из сознания людей индивидуальность, привязанность к семейным ценностям, национальный патриотизм и религиозные догмы. Также нужно уничтожить различия в понятии истины и лжи, лишить ребенка веры в опыт старших. И тогда, соеди-

нив всё это, появится новый человек.

Телеиндустрия стала основной индустрией этого мира. Зрителям некогда скучать. Смотреть всегда есть что: сериалы без конца и края, телепутешествия в разные части мира, шоу, спортивные соревнования в формате «победим, не выходя из дома» и многое другое. Более серьёзным изобретением стали, так называемые сериалы индивидуального видео с ЭМО начинкой. Вот этот продукт заставляет людей тратиться и стараться заработать на эту дорогостоящую забаву. О нём нельзя не вспомнить. Это удивительное действо – создание сериала-иллюзии.

В нём главное действующее лицо сам заказчик сериала. Ему подбирают по предпочтениям образ жены или девушки, в которую влюблен. Можно добавить даже пару ребятишек, вписать собаку или кошку. Или хомячка. Даже попугайчика, если пожелают, тоже, понятное дело, иллюзорного. Всё выглядит как настоящее – кожа, волосы, шерсть, голоса, звуки, движения.

Психолог и режиссер подбирают действия, которые могут заинтересовать заказчика, и начинается постановка спектакля.

Читал, что раньше был бесконечный сериал, назывался, кажется, «Санта Барбара». Так и тут. Действия могут продолжаться бесконечно, пока вы платите. В постановку можно внести любые сюжеты – например, встречи с родителями или друзьями, путешествия по миру, свадебное путеше-

ствие. 3Д-модели – голограммы людей и животных – научили прекрасно двигаться, а уж голос наложить на объект, так и в двадцатом веке звукооператоры такое могли. Главное – ты; твоя проекция, непосредственно в этом участвует.

Это так удобно: закончил работу на удаленке, покушал, лег на диван, надел на голову проектор 4Д – и вот ты в иллюзорном мире с полным эмоциональным погружением. Там твоя иллюзорная сущность ругается или милуется с иллюзорной женой. Ваши такие же иллюзорные дети шалят, галдят, дрессируют собаку. Ты умиляешься домашнему уюту, и благодать наполняет твою душу.

Или можно пойти дальше: твоя голографическая проекция трахает иллюзорную жену или подружку во всех доступных воображению позах, и ты всё ощущаешь, как в реале, и произвольно достигаешь апогея, разряжаешься, то есть – кончаешь, лёжа на своём продавленном диванчике.

Можно повторить серию или понравившийся момент. Всё, что пожелаете, за ваш счет. Удобно. Детей повоспитывал, собаку выгулял и выключил проектор. Потом спи-отдыхай. Никто ночью не разбудит, да и днем работать не помешает глупыми разговорами. Стоит это все недешево, ой как недешево. Работа штучная. Ну, блоки съёмочные кое-какие, готовые уже, конечно, есть, но всё разрабатывают спецы под заказчика. Поэтому это доступно лишь тем, у кого бабло шебуршит в кармане. Кредитик под эту развлекуху можно взять, потом всю жизнь отдавать. Под что ещё его брать –

транспорт не нужен, одежда не нужна, большой дом трудно дезинфицировать, живут, преимущественно, в небольших, или в квартирах с полной очисткой внутри, чтобы не заразиться. Машина напрокат и требуется крайне редко. Вот только и осталась потребность в «живом» общении, что и реализуют за немалые денежки. Тут и над женой подоминировать можно. Говорят, стремление к доминированию – одна из основополагающих потребностей человека, как секс и самосохранение.

Возможным подобное развлечение стало, когда создали приборы, позволяющие считывать эмоции людей, находящихся в разных условиях и состояниях. ЭМО-считывание можно назвать самым выдающимся технологическим прорывом последнего времени. Главное, чтобы эмоции того, с кого считывают, были яркими. И тот, кто потребляет новую ЭМО-продукцию, чувствует то же, что и он. Потребитель может лежать всё время на диване и при этом ощущать себя путешествующим по Испании, опускающимся в батискафе на дно Мариинской впадины, или, как у нас с Роем, поднимающимся на Эльбрус.

Вот такую серию передач с поднятием на семь высочайших вершин мира с ЭМО-восприятием сейчас и готовили. Проект разработали и выбили мы с Яром. Нашли Роя, парня с отличным эмоциональным фоном, в меру симпатичного и спортивного. Мы сами тоже могли хорошо эмоционировать (за что нас и выбрали в своё время), но наши лица

примелькались, нужен был новый образ, и мы его нашли.

Телепродюсер одобрил сценарий и актера. Он у нас соответствующий – из тех, которым всё позволено. Входит в тот небольшой процент людей золотого миллиона (может, их меньше, никто не считал), которым все позволено и нет преград в желаниях. Они владеют всем, а большинство остальных имеют необходимый минимум для жизни: стерильное жилье, еда, гаджеты, связь с друзьями и сотни телеканалов для развлечения. Им всего хватает, да и нам, выживальщикам, много не надо. Как говорится – «была бы прочна палатка, и был бы нескучен путь». Хорошо, что мы нужны телеиндустрии, и потому имеем привилегии. Нас не трогают и позволяют жить не в клетке, а как хотим, лишь бы приносили прибыль.

Вчера босс устроил онлайн-совещание с выживальщиками и другими «свободными художниками», заявив, что давно стоит подумать над новыми форматами передач. И попросил (читаем: приказал) придумать какой-нибудь своеобразный формат ЭМО-передач для потребителей.

Вот что придумать и когда? У нас проект только начался, его прорабатывать надо, поэтому пока не будут сильно терять, но думать придётся.

Что придумать? Фильмы по историческим романам делаются вовсю. Вот бы попасть в прошлое (мечты) или просто хорошо отэмоционировать воспоминания людей из прошлого об их странствиях. Мы же выживальщики, значит, нам

нужно использовать воспоминания о приключениях.

Вот этот вопрос мы и обсуждали на нашем пикнике за бутылочками хорошего красного винца. Отлично, что можем себе позволить и хорошее винцо, и натуральное мясо, а не суррогат. Мы жевали отменные шашлыки и трепались о том, что бы придумать. Где взять хорошие, реальные воспоминания, пусть не художественные, но того времени? Пусть не двухсотлетней давности, как путешествие Дерсу Узала, пусть до ста лет, но периода до глобальной пандемии. И хорошо бы обычных людей, не легендарных. Это проще воспринимается обывателями. Ближе их сердцу. Легче с собой ассоциировать.

Яр толкнул меня под локоть.

– Илья, а в нашем домике на Украине полно всякогохлама осталось. И книги бумажные, и документы всякие. Помнишь, когда мы там были, нарыли какие-то бумаги прапрабабки, и книги прабабки, она писала что-то. Может, её дневники или рукописи остались? Надо смотаться посмотреть. Отец говорил, она была своеобразным человеком, путешествовать любила. Вдруг что-то записывала и это сгодится.

Я кивнул. Всё может быть. Чем чёрт не шутит. Можно и смотаться. У нас неделя до начала подготовки к следующему проекту. Пойдем на Килиманджаро – самую высокую точку Африки. Это интересная прогулка. По высоте чуть больше Эльбруса – пять тысяч восемьсот девяносто пять метров,

но всё восхождение проходит значительно проще. Не надо кошек и ледорубов. Опасность погодных неурядиц небольшая. Снега и ледников на вершине почти не осталось, хотя в последнее время шапка начала восстанавливаться. Мы там бывали пару раз, снимали и Кили, и вулканы вокруг. Из семи климатических поясов, что существуют на нашей планете, при подъёме на вершину Кили прохождение идёт через каждый из них: сначала экваториальные тропические леса, затем саванна, и заканчивается полярным поясом с вечными льдами и снегами.

Хорошо, для новой передачи у нас есть Рой. Он показал себя прекрасно, другого эмоциональщика искать не надо. Поснимаем сначала саванны, антилоп всяких. Африка, как и весь мир за последние десятилетия, стала почти диким континентом. Аборигены кое-где обитают, но многие погибли от инфекции или разбежались, кто куда. Туда, где удалось пристроиться. Жаль, портеров не найдешь сейчас – людей, что раньше таскали твои тяжести на гору. Теперь всё приходится носить самим.

Снимать животный мир этого континента обожают наши «животнолюбы». Дикая Африка, как она есть. Замечательно, захватывающе, опасно, зрелищно. Вот и мы чуть-чуть захватим этой экзотики, а потом всё выше и выше.

Мы поговорили ещё, опять выпили, и тут Глеб решил нас повеселить.

– Ребята, раз среди нас сейчас нет представительниц пре-

красного пола (к слову, девушки среди выживальщиков тоже есть, они работают порой не хуже парней и смотрятся на экране потрясающе), то сегодня у нас мальчишник. Смотрите, что я прикупил, – Глеб достал небольшую плоскую коробочку – такие, обычно, служат накопителями или трансформаторами иллюзий – и щелкнул кнопкой.

Метрах в десяти от нас, как раз возле кромки пруда, возникли три девичьи фигуры в легких платьях. Девушки выглядели очаровательно. Никто бы не сказал, что это иллюзия: кожа упругая, гладкая, чуть тронутая загаром. Первая девушка со стрижкой, при этом маленькие, короткие завитушки, игриво щекочут ей шею. У двух других длинные волосы. У одной – брюнетки – они заплетены в косу, а у второй – блондинки – распущены по плечам.

Девушки скинули обувь со стройных ножек, подошли к воде, попробовали, переглянулись и начали раздеваться.

Мужики, то бишь мы, прекрасно зная, что это иллюзия, все равно смотрели во все глаза.

Девушки сняли платья и зашли в воду, давая нам по ходу дела рассмотреть тугие аппетитные попки и полные упругие груди. Плескались они минут пять, а восемь придурков сидели и ждали, когда они выйдут и что же будет дальше.

Когда иллюзии, наконец, показались из воды, кое-кто начал чрезмерно возбуждаться: такими аппетитными казались молодые тела. Сморщенные после купания соски так и притягивали взгляд. Живописно, волнительно!

Девушки нагнулись, вынули полотенца из сумок, начали, не спеша, как бы лениво, вытирать друг друга. Действо выглядело невероятно чувственным. Алмазные капли воды исчезали с шелковистой кожи, поглощаемые пушистой тканью полотенца. Затем нимфы, не одеваясь, начали расчесывать волосы одна у другой. А потом та, что с короткой стрижкой, наклонилась, и, приподняв блондинке волосы, поцеловала её в шею. Далее поцелуи стали спускаться ниже. Шатенка обняла брюнетку, нагнулась и коснулась губами твёрдого соска.

Минут десять, пока продолжалось лесбийское порно, царило молчание. Когда же иллюзия растворилась, мы обменялись взглядами и громко рассмеялись. Правда, смех вышел слегка напряжённым.

– Ну, Глеб, развеселил, – подал реплику Яр. – Вот мы смеемся над обывателями, что живут этими чертовыми иллюзиями, а сами чем лучше?

– Так мужики мы или нет? Где ноне настоящих голых баб увидишь?

– Это точно, – покивали все согласно и дружно потянулись за выпивкой.

– Пусть не третий тост, но выпьем за женщин. Наливай водочку. За нормальных телесных баб, чтобы всё было при них, и у нас с ними всё было в теле, а не в наваждении. Эх, поехали!..

Выпили, закусили, слегка взгрустнули и продолжили обсуждение дела.

Глава 3. Семейное гнездо

На следующее утро мы с Яром уже ехали в наше семейное гнездо. Этот небольшой домик остался одним из немногих не совсем брошенных домов в посёлке под городом. Ещё в возрасте двадцати лет, когда получили возможность перемещаться свободно, мы с братом как-то решили посетить место, где обитали предки. Мы восстановили ветхое строение и даже очистили участок возле него, посадив новые деревья и кустарники. Над удалением тридцати восьми старых, больных и корявых деревьев пришлось немало потрудиться. С тех пор поддерживали его в более-менее приличном виде и жиллом состоянии. Большинство же строений вокруг совершенно разрушились. Выпавшие из потрескавшихся, облупленных стен, развалившиеся на части кирпичи; полуистлевшие рамы и двери, напоминающие зияющий вход в ад; покореженные, полузасохшие деревья, лежали грудой, похороненные и спеленатые, как бинтами, яркими, наглыми побегами хмеля. Все эти нагромождения делали участки непроходимым и неприступным для людей, но очень пригодным для жизни мелких животных и птиц. Мы (и было же не лень!) как-то пробрались и заглянули в несколько соседних домов.

Увиденное поразило меня. Особенно запомнился и впечатлил лежащий на полусгнившем столе, среди пыльных, никому не нужных тетрадей и книг, старый деревянный гло-

бус, давно потрескавшийся и лишившийся красок. Покрытый толстым слоем пыли, как и всё вокруг, он выглядел безжизненно, печально и сиротливо. Треснувший глобус в мире придуманных иллюзий.

Тенденциозно звучит, но я считал, что нельзя называть жизнью то существование, которое вели большинство жителей планеты. Юношеский максимализм, скажете вы, но и теперь, спустя десять лет, я, тридцатилетний, незначительно изменил своё мнение.

И вот сейчас мы ехали в наш родовой домик.

Прибыли под вечер. Наш, единственный в округе крашеный забор, скрывал вполне ухоженный участок с шарами самшитов, разлапистыми можжевельниками и туями. Сосны, посаженные десять лет назад небольшими саженцами, вымахали более двух метров, и смотрелись вполне солидно. Фруктовые деревья уже плодоносили, и яблоки белого налива как раз спели.

Калитка не скрипела, и дом приветливо распахнул дверь, соскучившись по хозяевам в вынужденном одиночестве. Включили генератор, зажгли свет. Все работало и радостно оживало под руками. Я не держал тут роботов. Можно было бы оставить на всякий случай один экземпляр уборщика, но я не сделал этого. Мне казалось, они осквернят атмосферу дома, лишат его очарования и обидят духов предков.

Перекусив привезенной едой и выпив чая, отложили просмотр документов на завтра. Переезд получился не таким

и легким, а нужно ещё подготовиться к ночлегу.

Распаковав чистые комплекты белья, постелили и вышли во двор, посидеть на качающейся скамейке под навесом беседки. Лепота! Воздух, почти как в горах. И никого.

Утром вскрыли герметично упакованные чемоданчики и ящики со старыми бумагами. Вот изданные книги прабабушки, несколько распечатанных вариантов обложек с картинками и названиями на пожелтевшей бумаге. Увы, эти книги вышли только в электронном варианте. А на каких сайтах их искать – непонятно, да и сохранились ли? Даже в двадцать первом веке инетное поле переполняли разнообразная шелуха, спам, различная информация, которая за ненадобностью и невостребованностью бесследно исчезала, вернее, её очень трудно было отыскать, почти невозможно. Наверно, истинно то, что рукописи не горят, а электронные варианты могут пропасть безвозвратно или затеряться в массе подобной инфы. Годы пролетели, унося, отсеивая всё ненужное и даже нужное, ничего не жалея.

В отдельной папочке нашелся вариант книги «Кто сможет вернуться» с правками. Видимо, прабабушка вычитывала его и правила вручную, или вычитывал кто-то, кто не любил работать с компьютерами или не имел компьютера. Стоп, какой компьютер? Книга была напечатана на пишущей машинке. Совсем нонсенс. Сказать, что я удивился – не сказать ничего. Как такое могло быть? Или она написана до того, как появились компьютеры, или я не понимаю ничего. Надо вни-

мательно прочитать.

Я сунул Яру одну из напечатанных книг 2017 года выпуска для просмотра, а сам взялся изучать рукопись.

Мой отец совсем немного, скорее, совсем ничего не рассказывал о своих деде и бабушке. И как мы ни просили, да и просили как-то так, между прочим, для проформы, он отмахивался. Кто в детстве и ранней юности думает о каких-то предках? Думаю, он не мог вразумительно рассказать о них. Только сообщил, что они пропали непонятным образом. Незадолго до исчезновения они якобы сказали тогда семнадцатилетнему его отцу загадочные слова:

– Марк, ты уже взрослый, если что... Мы хотим попытаться изменить кое-что в прошлом или просто там немного пожить...

После этого больше их никто не видел и ничего о них не слышал. Кинули, как и не было.

Бабушку, как я понял из начала рукописи, звали Анастасия, а как звали деда и кем он был – вопрос.

Однажды отец, с трудом получив разрешение на посещение неизолированного помещения, приехал в старый дом. Такие посещения не поощрялись, но прямого запрета не было. Его тянуло в этот дом, как к чему-то материальному, реально существующему в мире, а не на экране. Он так же, как и мы через десятилетия, проник в этот дом и осмотрел его. На чердаке добрался до старых книг и бумаг. Наткнувшись на рукописи, распечатки, и увидев десяток нераспроданных

книг, полюбобопытствовал. Вот откуда он узнал, что его бабушка писала книги и даже нечто подобное автобиографии.

Вот в этом доме мы сейчас находились и просматривали бумаги и рукописи.

Мы с Яром были братьями, не родными по крови, но братьями. Когда ещё можно было усыновить ребенка, мои родители сделали это, взяв новорожденного голубоглазого крепыша, и, о чудо – через год родился я. Так мы и росли. Все считали нас родными братьями, так мы были похожи. В шестнадцать лет Ярославу рассказали об усыновлении, но это ничего не изменило в наших отношениях.

Яр был покрепче меня, хотя я тоже не отличался хрупким телосложением. Страсть к физическим нагрузкам, стремление к перемещениям и отличное здоровье позволили нам примкнуть к касте выживальщиков. Это была наша мечта и наша удача. Мы отныне могли не сидеть в квартире-клетке, а получили разрешение на перемещение по миру.

Сейчас мы решили проверить наше предположение о том, что в автобиографическом повествовании прапрабабушки кроется история её путешествий. Я открыл рукопись и погрузился в чтение. Вначале о путешествиях не было ни слова. Однако присутствовала и невероятно заинтересовала информация о неких силах, способных перемещать в прошлое. Если это не аллегорические измышления, то, кажется, мы нашли нечто невероятное. Я ещё раз прочитал этот фрагмент, позвал Ярослава и предложил прочитать ему.

Глава 4. Автобиография (фрагмент из рукописи)

«Ваше прошлое – богатейший материал для творчества, – говорит исследователь, – напишите автобиографию и вы почувствуете себя обновленным»

Кто сможет вернуться?

50+

Я открыла почту. Кому-то постоянно нужны мои консультации, люди пишут и спрашивают. Поэтому я всегда её проверяю. Первым во входящих лежало письмо. «Единственный и неповторимый шанс начать жизнь сначала». Письмо почему-то не попало в спам. А на вид – чистый спам. Каждый день несколько десятков подобных писем попадает в ящик, а это было первым в списке и открытым, и начиналось со стихотворения:

*Прошу, не верь суровым снам своим,
И каждый день твой обратится в дым.
И каждый день – как новый эшафот,
И каждый выход – это новый вход.
Ты просто смейся, или плачь навзрыд,
Но каждый смертный сломлен и убит.
И каждый день тебе о вечном врёт.
И каждый выход – это новый вход...*

Моргнула удивленно. Неплохой стишок, созвучный с на-

строением. И слова «ты просто смейся, или плачь навзрыд» очень такой естественный резонанс в душе рождает, а уж «и каждый выход – это новый вход» – особенно, только найти бы этот выход из той хандры, в которой существую, а уж тем более такой выход, из которого новый вход открывается. Неплохо бы.

Дальше следовало:

«Анастасия, у Вас есть шанс начать жизнь сначала. Имеем в виду, вернуться в молодость и прожить жизнь заново. При этом у Вас сохраняется опыт прожитой жизни. Душа на откуп не требуется. Денег не берем. Если Вас заинтересовало предложение, свяжитесь с нами по телефону и получите подробную информацию. Даём три дня на раздумья. Кстати, вы будете находиться в своём молодом теле и в любом месте мира, куда захотите отправиться.

Только человек способен жить одновременно во времени и вне времени, преодолевая его, «путешествуя» в нем».

Предложение какое-то не философское. Несерьезное. Впрочем, как такое можно серьезно воспринимать? Обсудить с приятельницами можно, тема хороша, особенно, чтобы Ксюху отвлечь. Она уже несколько месяцев лежит с переломом головки берцовой кости. Чтобы срасталось, в кость вогнали три металлических штыря, и с этим кошмаром она мучается. Настроение как раз такое, чтобы о возвращении в молодость поговорить. «Хорошее», значит. Муженек её, как и предполагалось, не то, что стакан воды жене оказал-

ся не способен подать, так ещё напивается до полного свинства. В таком состоянии его к Ксюхе близко подпускать нельзя. Хорошо, хоть есть квартира, где она может лежать сама. Жуть. Она мечтательница ещё похлеще меня, всё в него верила, а тут такой облом и с Гошей, и с ногой – двойной перелом. Позвоню, а проведать её не смогу, бронхит подхватила, из-за чего кашляю надрывно, и, что особенно плохо, из-за этого не смогла поехать в Египет поплавать с маской, на рыбок поглядеть. Путевку дочке отдала.

Решила позвонить подруге. Трепаться с Ксюхой на околофилософские и околофантастические темы – одно удовольствие. Она ни во что серьезно не верит, что просто замечательно, и в то же время на всякие завиральные идеи может порассуждать так, что и не поймешь: с иронией говорит или почти серьезно. Можно интерпретировать её мнение как тебе самой заблагорассудится.

Позвонила, ля-ля-ля, спросила, как Гошка.

– Пьёт, гад. Девчонки ему ключи от квартиры, где я лежу, не дают, так что наедине мы с ним не общаемся, только по телефону.

– Ксю, тут такое дело, мне вот такое письмо пришло – обалдеть. Понятно, что спам, но все равно смешно.

И зачитала ей содержание.

– Точно спам, но завлекательно для тебя, наверное.

– А для тебя что, нет?

– Нет, я старая, потёртая жизнью женщина, и ничего уже

не хочу, только смотреть сериалы. Скоро начнется мой любимый «Мыслить, как преступник», играют здорово, красавчики, и выглядят не как американцы, а почти настоящими. И мозговой штурм интересно обыгран.

– Да, можно свихнуться от того, что каждый день мыслишь, как преступник, и сам можешь им стать. Вот интересно, сценарист, он ещё никого не убил, чтобы на себе проверить теории? А артисты?

– Артисты точно не будут, они текст читают, а придумывает всё сценарист. Вот уж у кого фантазия извращенная, но талантлив, гад, талантлив. Ты меня извини, как раз скоро новая серия начнётся, я на них, как наркоман на игле.

– Ладно, сворачиваюсь, только ты мне сформулируй коротко, почему ты не хочешь начать всё сначала. Я вот не возражаю.

– Философский вопрос. Надо подумать. Постараюсь, конечно, но думать лень, писать лень, все лень. Я своё уже прожила, мои девять жизней уже кончаются, и в нирвану явно не уйду, недовыполнила поставленные передо мной задачи, опять скачусь на первый уровень. Всё, отключаюсь, титры пошли. Пока. Напишу, если смогу.

Я ещё позвонила Лерке, она тоже не хотела ничего начинать, настроение у неё было депрессивно-противное. В Скайп бросила мне пару стишков Ричи Реллика и добавила в подстрочнике:

– Я не лицемерка и прекрасно понимаю, что «Я исчезну,

я просто исчезну». Почитай несколько куплетов из стихов.
Мне понравились:

*Прости меня, погасшая звезда!
Я не сумел дойти, я оступился.
Уже в пятнадцать перестал молиться,
А в двадцать пропил веру навсегда.
Я не сумею всё начать с нуля —
Ведь я давно во всё утратил веру.
Пусть грешен был, но не был лицемером!*

– И второй стишок, не менее занимательный. Молодец мальчик. Что-то в душе ковыряют его строки.

*Мала заслуга та, но всё ж — моя.
Я тут пытался было отравиться,
Да не судьба. Не время. Карма.
Нельзя раньше времени самоубиться
Не позволяет программа.
Больше нет никаких «может».
Больше нет никаких «если».
Больше нет ничего. А что же?
Я исчезну, я просто исчезну.*

Потом позвонила Лене. Та сказала, что она такая, какая есть и была в молодости, и ничего не изменится, если она станет молодой, просто повторит все те ошибки и проколы, которые уже совершила, пусть с другими людьми, но все равно совершит.

Три из трех не хотят, пусть выборка небольшая, но я-то

хочу точно! Пусть это бредятина, а не предложение. Но я бы хотела попробовать.

Потом позвонила ещё одной Лене. Уж очень статистикой заниматься стало интересно. Так, для себя. Лена вообще хотела послать меня подальше, но потом сказала, что ей и одной кошмарной жизни достаточно, больше не хочет.

Да, у нас у всех жизнь не сложилась по прописи. Но я всё равно хочу пройти путь сначала... Странно.

Все мои знакомые, как на подбор, со сложными судьбами. У кого муж умер, у кого сына сбила насмерть машина, у кого дочь погибла, у кого вообще мужа нет, и она растила дочь сама, а теперь и дочь повторяет её судьбу... Вообще нет счастливого брака и семьи в ближайшем окружении. Пару подруг можно с натяжкой поздравить со счастливыми браками. Но с натяжкой, такой большой, большой натяжкой, и с закрытыми или, вернее, с широко закрытыми глазами. Неужели так плохо у всех? И почему? Что мы не так делали в жизни? В чем провинились перед судьбой? Знать бы. Может, можно исправить? Или у нас карма на это самое личное счастье, и её не изменить?

Вечером пришло письмо от Ксюхи:

«Аська, попытаюсь сформулировать, почему мне не нравится идея «Начать все сначала» и я не разделяю твои чаяния опять помолодеть физически, сохранив жизненный опыт.

Согласно моим представлениям об окружающем мире,

высшим силам глубоко наплевать на твоё физическое тело, главное – ликвидация поломки частицы мирового духа, живущего в нас. Почему наши ангелы—хранители не ведут нас по жизни явно, а лишь подают невнятные знаки и спасают лишь в критических ситуациях? Или не спасают. Да потому, что душа сама должна проделать работу по своему совершенствованию, иначе менее эффективно идет ликвидация поломки. И развитие интуиции и наблюдательности, видимо, не последние в ряду необходимых качеств. С каждым заходом на новый круг от первого до девятого у неё это получается всё лучше и лучше, но для закрепления правильных вибраций надо всё начать с нуля и набить определённое количество шишек, отличных от шишек прошлых жизней. А когда человеческая личность достигнет полной гармонии с окружающим миром, ей станет нечего в нем делать, и душа воссоединится с мировым духом. И главное для космоса именно это, а не комфорт существования физического тела.

И второе – что ты будешь делать, несмотря на свои молодые гормоны, в обществе сверстников со своим уже накопленным опытом? Тебе будет с ними скучно, а они просто будут тебя не понимать и бояться. Это нарушение существующего космического порядка и вряд ли будет приветствоваться. Думаешь, из вундеркиндов, быстро, экстерном заканчивающих образование в нежном возрасте, выросли счастливые гармоничные личности? Это вряд ли. Нару-

шение порядка приведёт только к дисбалансу и проблемам у индивида, так как человек – существо стадное по своей природе и правильная социализация ему просто необходима.

А это тебе просто так, для информации. Это, конечно, не истина в последней инстанции, у всех всё с разными нюансами: целью моей жизни должно было быть обретение подлинной духовности, преодоление своего «Я». И, наверное, мне для этого подошла бы профессия психолога или философа, но женщин философов нет, да и с психологией почему-то не сложилось, это уже моя недоработка. Так что пойдём все начинать сначала в перерождениях».

Круто, особенно про преодоление своего «Я» круто. Ещё бы знать, что такое «Я» и зачем его нужно преодолевать.

Я задумалась над Ксюхиным письмом и не заметила возвращения дочери.

Она выросла и не хотела жить со мной. Мы с ней все время конфликтовали. Её раздражало всё и вся. Вот и опять – слово за слово, агрессивные наезды с её стороны на ровном месте – и подступила безумная боль.

«Дрянь, дрянь, дрянь», – билось в висок.

Птица Обида влетела в дом и расправила черные крылья. Отрыгнула прямо на пол лужицу желчи. Паркет в том месте начал сразу портиться. Этой желчью она кормит своих птенцов. Накормила в этот раз и меня. Желчь из желудка быстро распространилась по организму и попала даже в душу. Заняла всё пространство души, вытеснив оттуда мате-

ринскую любовь, заботу и теплоту. Смерд её дыхания заполнил всю комнату. Вместе с желчью он заполнил меня до краев, от пяток до макушки, накрыл, заставил закипеть кровь, перегрел мозг, забрав сразу всё мало-мальски хорошее, что было во мне.

– Проблемная она у тебя, проблемная. Сколько сил было вложено в её воспитание? И вот благодарность, – просипела Обида.

– Как же трудно с ней, – вторила ей в ответ.

– Ей с тобой тоже трудно. Это понятно и естественно для её поколения. Ей нужно жить одной.

Желчь я готова была отрывать уже сама, так много ее выработала.

Птица Обида, мрачная и вонючая, похлопала крыльями, уронив несколько перьев. Наклонив голову, взглянула пустыми глазами на меня и осталась довольна увиденным.

Увеличилась в размере. Ей уже было тесно в квартире, такой большой она стала. Птица Обида сыто икнула, отрывнув еще немного желчи. Захлопала крыльями, задевая стены, и вылетела сквозь оконное стекло. Она растаяла в ночи, оставив после себя больную разбережённую душу без капли доброты и нежности.

Я взяла тряпку и попыталась удалить пятно отрыжки, но оно не убиралось, так и осталось мерзкой кляксой на разъеденном паркете.

Горечь и боль. За что? За что такое отношение? Хоте-

ла, как лучше, а получила... Получила, что всегда получала от неё в ответ на что-то хорошее. Злость на дочку кипела не так уж и долго, я быстро переадресовала всё на себя. Привычка, почти инстинкт последних лет, винить, ненавидеть и жалеть себя одновременно, выработалась, как у собаки Павлова.

– Жалеешь? – прозвучал ехидный, насмешливый голос в голове.

Это отозвался мой собственный черный человек, мой собственный монстр и ангел, мой внутренний голос, моя неотъемлемая часть, убивающая и возрождающая, опора и камень преткновения одновременно. Он говорил со мной, а я ругалась и оправдывалась.

– Заткнись, хоть бы раз утешил, всегда только обвиняешь.

– Я не обвиняю, я ехидствую. Только ёрничая над собой, осмеивая всё святое, что есть в тебе, сможешь выжить. Иначе не получится. Сопли жевать будешь. Розовых надувных слонов создавать. Не твоё, сама знаешь. Сама писала:

*Мне нужно всё осмеять,
Всё, что люблю, охаять,
чтобы душу не потерять
и мечты кусочек оставить.*

Слезы подкатились к глазам.

– Поплачь, поплачь, кто сейчас верит в слезы? Ты стараешься, всю её жизнь стараешься. Ждешь благодарности? Знаешь, что не дождешься. Знала и всё равно ждала? Жда-

ла? – пауза в нашем дурацком разговоре.

– Ну и дура, – вместо ответа постучал по лбу изнутри оппонент. – Что есть способность людей к предвидению? Предвидение – это не просто учёт суммы прошлых действий и их последствий, но и результат размышлений. Ты что, совсем соображать разучилась? Благодарности захотела? Или опять «надежда – мой компас земной»? Дура мечтательная.

И внутренний голос ехидно процитировал стих Ричи Реллика:

Ты пряталась от них в свои виденья,

Прикрыв рукою боль своей души.

– Не в виденья пряталась, а в фантазии, – огрызнулась я.

– Да, да, правильно, правильно, в фантазии и фэнтези. Просто по Фрейдю. Ты же помнишь его гениальные слова: «Бегство в мир фантазий вызвано неуверенностью субъекта в своей способности любить».

Чтобы прервать нравоучения, отвернулась к окну в пустом ожидании чего-то.

И она прилетела. Она – птица Тоска.

Такая же огромная, как Обида, но не в черном, а в тусклом сером оперенье. Голова как у грифа с тонкой морщинистой шеей. Вместо крючковатого клюва – крючковатый нос. Ей скучно и противно на меня смотреть. У неё тоскливое старое лицо и ей явно хочется стукнуться головой о стенку.

– Ты глюк или явь? – поинтересовалась я.

Наверно, я сумасшедшая. Брежу.

– Ты не веришь, что я есть? – птица Тоска потерла лапой морщинку на лице.

– Верю и в тебя, и в Птицу Обиду, – кивнула я.

– Веришь – и хорошо. Значит, неважно, кто я – глюк или явь. Пока мы верим в то, что видим, мы психически здоровы и неопасны для себя и окружающих.

Одиночество и тоска. Мелькнула мысль: «Позвать бы друзей и попросить их об услуге типа: «постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом, в изголовье повесьте упавшую с неба звезду» и другое всякое. Но не все могут, многие уехали далеко-предалеко: сестра, любимые подруги.

По трущобам земных широт

Рассовали нас как сирот.

(М. Цветаева)

Пусть не по трущобам, а по квартирам, другим странам, но разницы никакой.

– Птица Тоска, ты тоже старая. Тебя это не мучает?

– Меня всё мучает. И старость, и молодость, и умность, и глупость. Прости, и твоё нытьё сейчас надоело хуже горькой редьки. Старость ненавидят все. И мы сами, и люди вокруг нас. Японцы просто относили стариков на гору Нараяму и там бросали. Я не осуждаю их. Я, пожалуй, полечу. Тоскливо с тобой. Почитай на досуге Сэлинджера, может, что поймешь.

Передо мной упала его книга «Над пропастью во ржи».

Открыла и начала читать, чтобы отвлечься.

Молодой герой романа, эдакий юный недоумок, не совершивший в жизни ничего путного, тоже с отвращением смотрел на стариков, прятавших тощую, впалую грудь под халатом. Он удивлялся и злился от одной мысли о них. Злился, что они всё ещё хотят получать удовольствие от жизни, хоть и стоят одной ногой в могиле, ведь им под семьдесят и... Как смачно описывал он отвращение, брезгливость по отношению к ним, непонимание, зачем они живут. С омерзением смотрел на внешнюю атрибутику старости: тело, халат, дряхлость. Их запах, наверно, тоже ненавидел – запах лекарств и угасания.

Да, моя дочь ненавидит этот запах угасания. Да, это подходящий термин. Именно угасание. Это даже не запах плоти в прямом смысле, а дух. Его ведь тоже чувствуешь. Я угасаю, но не хочу в этом себе признаться. Борюсь, суечусь, работаю. Но все равно угасаю.

В черепушке опять зазвучал внутренний голос.

– Общайся с теми, кто такой же, как ты, ему не важно твоё угасание, а нужны твои знания. Запаха плоти нет. Дух, возраст. Для кого-то он непереносим, кто-то ищет более значимые вещи. У тебя достаточно молодых знакомых, которые с удовольствием с тобой общаются. Не напрягай никого, – резонно произнёс он.

– И детей? – грустно заикнулась я.

– Их в первую очередь. Не жди от них ничего. Они взрослые. Научись жить сама, без ожидания их посещений или

помощи. Они ведь не просили, чтобы ты их рожала. У самой гормоны играли. Понимаешь меня?

– Умеешь найти аргумент.

Все эти птицы и внутренний голос довели меня до ирреальности, когда, кажется, всё становится возможным и естественным.

Я взяла и позвонила по номеру из странного письма.

Автоответчик произнес:

– Если вы согласны участвовать в эксперименте, нажмите один.

Я нажала. Дальше неживой девичий голос произнес:

– Если согласны прочитать инструкцию, нажмите два.

Я опять нажала.

– Если согласны участвовать в эксперименте прямо сейчас, нажмите четыре.

Я опять нажала и в почте появилась информация, что пришло новое письмо.

«Мы рады, что Вы хотите попробовать. Для того, кто умеет раздвигать границы, нет ничего невозможного. Вам следует сначала научиться создавать мыслеформы того периода, куда хотите попасть: время и место. В этом Вам могут помочь записи, дневники, фотографии того периода. Просмотрите их. Они помогут появиться именно в том месте, куда вы хотите. Вы будете молоды, но ваш жизненный опыт ещё значительное время будет пребывать с Вами. Для облегчения процесса адаптации некоторые люди, пересека-

яющиеся с Вами, также, на некоторое время, переместятся с вами и будут иметь жизненный опыт из Вашей настоящей реальности.

P.S. Осознание, что Вы в другом времени, происходит не сразу. Тело должно привыкнуть к наличию внедренного элемента. Вы будете помнить и осознавать некоторое время и прошлое, и настоящее одновременно».

Быстренько набираю вопрос: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Что вы хотите в обмен?»

Тут же приходит ответ: «Вы ошибочно считаете, что многие хотят начать жизнь сначала. Не все читают письма с нашими предложениями. Не все хотят отвечать неизвестному респонденту. Нам нужна статистика и причины отказа от желания начать жизнь сначала. И мы просим её собрать – это раз. Также мы хотим, чтоб вы стали максимально гармоничной личностью на основе заложенных от природы в Вас данных, то есть Вы должны стать настолько гармоничны, насколько Вы можете стать. В мире так мало гармонии, и без неё мир рушится. Мы решили начать с отдельных людей. Весь мир изменить нельзя. Вы нам подошли. Время не имеет значения. Нам всё равно, как течет временной поток. Важно, что происходило и происходит с человеком».

«Посоветуйте, на что обратить внимание, чтобы приблизиться к гармоничной личности?»

«Подумайте сами. Гармоничная личность должна уде-

лять внимание всем этим линиям жизни: умственной и физической, суетно-повседневной и вечно-духовной, природной и цивилизованной, коллективной и индивидуальной, творческой и рутинной, общение с противоположным полом и общение с лицами своего пола. Чем больше линий жизни Вами игнорируется, не осуществляется, тем ниже степень гармоничности образа жизни личности.

Человек снова и снова перерождается, потому что по окончании очередной жизни у него остаются желания, незаконченные дела, неудовлетворенность и т. д. Чем больше таких желаний и чем более они примитивные, тем меньше будет зазор между воплощениями. Ваши же желания запутаны и неоднозначны. Перевоплощение может произойти не скоро, поэтому нам интересно прокрутить Вашу жизнь заново именно сейчас, а не после кончины. Советуем побыстрее сосредоточиться и представить место и время, куда бы Вы хотели вернуться. Мы прерываем связь».

На этом переписка прекратилась, но не рукопись.

Глава 5. Впечатления от прочитанного

Я прочитал десять страниц. Начало грустноватое, отчаянное, надрывное, но интересное, затягивающее. Стало даже немного обидно за прабабку из-за её отношений с дочкой. Этой девице жить бы в нашем времени со всеобщей стерильностью, когда ни от кого ничем не пахнет, старики изолированы ещё сильнее молодых. И главное – не чувствуют друг друга, потому что общаются удаленно и с друзьями, и с родителями. Наверное, ей бы легче было. Печально.

И эти образы птицы Обиды и птицы Тоски – аллегорические, такие яркие.

Но меня мало интересовал морально-этический аспект душевных переживаний, а значительно больше – информация о перемещении во времени. Неужели рассказ о возможности переместиться в прошлое тоже вымысел, так сказать, художественный прием?

Но что-то мне подсказывало, что перемещение действительно произошло. И воспоминания она записывала сразу или вскоре после события. Очень уж живо всё изложено. Моя интуиция меня редко подводит.

Позвал Яра и попросил его прочесть этот отрывок и особо обратить внимание на повествование и переписку с, как я назвал их, гармонизаторами. Кто они – представители иной

цивилизации или люди из будущего?

Яр быстро прочитал фрагмент, и озадаченно почесал затылок.

– Так ты предполагаешь, – тихо произнес, – она действительно переместилась в прошлое, это не выдумка? Как такое возможно? По мне, так больше похоже на сюжетный ход. С другой стороны – нигде нет указаний о времени написания. Да и рукопись отпечатана на машинке, хотя остальные книги датированы началом двадцать первого века, тогда уже никто не пользовался таким раритетом. Такое впечатление, что писалось по горячим следам, когда очутилась в прошлом, по памяти.

– Вот и я об этом, – поддакнул я. – Если переместилась, то хотелось бы знать, в какое время, и особенно, конечно, как ей удалось. Допустим, если принять на веру реальность этого факта, то ей помогли. Кто они, эти экспериментаторы? Вряд ли пришельцы, а вот наши потомки могут всякой чепухой, типа гармонизации личности, интересоваться. После того, что сейчас происходит с человечеством, наверное, они решили всё исправить кардинально. И зачем они отправились в двадцать первый век?

– Ты, Илья, все сразу: сел на своего любимого конька – что делать, чтобы человечество перестало жить иллюзорной жизнью, а вернулось к реальности со всеми её трудностями и отсутствием стерильности. Сколько раз говорил тебе: не хотят они этого, не хотят. Их и так всё устраивает. Эти на-

ши гнотобиоты – то есть стерильные организмы – потребляющие всё безмикробное, очень хорошо себя чувствуют морально. А то, что они живут вдвое меньше нормально питающихся людей, их не тревожит. Да полмира сейчас можно ведром немытой клубники отравить. Ты полистай рукопись, может, там ещё про этих гармонизаторов что-то есть. Что им нужно?

Полистав, я нашел маленький отрывочек из рукописи прабабушки.

Глава 6. Гармонизация (фрагмент из рукописи)

– Мне важен вопрос: ты хочешь начать всё сначала? – обратилась к Тасе.

– Ты это серьезно? Как сначала? С какого начала?

– Сама не очень понимаю. Видишь, наши не очень юные души попадут в юные тела, надолго ли – не знаю, думаю, что ненадолго. Вероятно, просто экспериментаторы решили наглядно показать, как это может быть, и заставить нас подумать над этим. По-своему завлечь в эксперимент прекрасным ощущением молодого здорового тела. Прочувствовать чудесную легкость, радость бытия и бурлящую энергию внутри.

– Тоф. Правда, давно забытое чувство. Расскажи всё, что знаешь, и поподробнее.

Я рассказала предысторию получения письма и переписку с некими силами.

– А что за это требуют? – насторожилась Тася.

– А ничего, как я поняла, просто нам выпал удивительный шанс вернуться в молодость и начать всё сначала. Их интересует спектр мыслей, желаний и ощущений отдельно взятого индивида якобы с целью ускорения процесса гармонизации его личности. Они, видимо, предполагают, что смысл жизни заключается в гармоничной самореализации жизнен-

ных предназначений. Как-то так. Может, ещё что, но про это не говорили.

– А... Ты что, веришь в гармонию?

– Это они верят и, во-первых, не в гармонию, а в гармонизацию личности. Гармонизация – это процесс, – и провела, как балерина, рукой с оттопыренным пальцем слева направо. – Чувствуешь разницу?

Таська почесала бровь.

– Да, в этом что-то есть. А поподробнее про этот процесс можно?

– Как я поняла, мы гармонизируемся по тем признакам, которые в нас заложены. Вот я, думаю, не смогу совершенствоваться и развиваться в пении и музыке – слуха нет. Может, если приложить изрядные старания, что-то я бы начала понимать, а так – увы. Но есть общие, не частные, важные линии жизни. Чем больше они игнорируются, не развиваются, тем, соответственно, ниже степень гармоничности личности.

Я понимаю, что, по мнению экспериментаторов, личность должна развиваться в пяти разных направлениях, или по пяти разным линиям, каждая из которых включает составные, которые, как Инь и Ян, находятся в единстве и одновременно в борьбе. Давай рассмотрим на моем примере.

Первое направление – умственное и физическое развитие. У меня и умственная составляющая, вроде, относительно развита. Может, и не суперинтеллект, но наукой занима-

лась и даже степень получила, в то же время по лесу бегала, как зайчик, пробы для работы собирала, да и до сих пор активный отдых люблю, снорклинг там, и огород к тому же, а уж раньше, сама знаешь, как я по горам бабочек ловила. В этой линии или направлении у меня, считаю, всё в гармонии.

В направлении суетно-повседневного и вечно-духовного тоже, вроде, всё в порядке. В любой жизненной суете у меня всегда, пусть на заднем плане, но присутствовали мысли о вечном и смысле жизни. Линия, включающая природу и цивилизацию, понятна на интуитивном уровне, и в ней всё нормально, как и в линии коллективно-индивидуальной. Творческая и рутинная линия для большинства наших работающих, занятых женщин – вообще ерунда. Они и в магазин сбегают, и квартиру уберут, постирают, посуду помоют, с ребенком освоят школьный курс всех предметов от первого до десятого класса, а то и пару курсов института, и обязательно каким-нибудь хобби займутся: то ли иконки бисером вышивать начнут, то ли из лоскутков одеяло сделают. Многосторонне развитые личности наши женщины. И последнее – общение с противоположным полом и общение с лицами своего пола.

Вот общение с противоположным полом давно, очень давно не заладилось. Но об этом потом.

Глава 7. Рассуждения

– Чушь все это, – подытожил Яр. – Не к месту нам и ни о чем. Заумно. Голые, ничего не значащие рассуждения. Очень расплывчатый и совершенно ничего не дающий для понимания кусочек текста о том, кто её перенёс и зачем.

– Пожалуй, соглашусь, фигня какая-то, – кивнул я. – Для неё это было важно, но не для нас. Теперь ясно, что ничего не ясно. Что предлагаешь?

Яр нахмурился, поиграл многозначительно бровями, и так же многозначительно произнес:

– Раз не можем разобраться, как перенестись, постараемся использовать материал её путешествий для своих ЭМО программ. Думаю, шеф останется довольным. Это и ре-тро, и красивые описания природы, и эмоциональные описания происходящего. В общем, то, что надо. Подумай, будем брать всё без разбора или выборочно?

– Разобраться бы в этом хитросплетении времён. Куда она попала? Точно до начала девяностых прошлого века, компьютеры тогда были уже. Значит, раньше: восьмидесятые, семидесятые. Какие? Почитаем внимательно.

И мы начали читать. Сначала я прочитывал, потом передавал страницу Яру.

Глава 8. Путешествия прабабки.

Лазовский заповедник

(фрагмент из рукописи)

Куда я хочу попасть и в какое время – не раздумывала ни минуты: конечно, на Дальний восток, в Лазовский заповедник.

Да, самой моей любимой поездкой была и остаётся поездка на практику в Лазовский заповедник на Дальнем Востоке. Нам было всего по девятнадцать, и выросли мы совсем не в тайге, а просто попали в заповедник на практику. Мы – студенты биофака, а Дальний Восток – наша мечта, а моя просто Мечта, Мечта, Мечта. До сих пор не могу представить, каким чудом нас вчетвером – меня, Таську, Митю и Влада – отправили туда без преподавателей, на попечение бывшего выпускника нашего факультета, который писал диссертацию про уссурийского тигра. Это была мечта в реальности.

Хороший совет мне дали экспериментаторы или хрен их как назовешь. Мне посоветовали посмотреть фотографии или почитать дневники. Своего у меня не сохранилось, некогда было писать, а вот несколько страниц воспоминаний Влада каким-то образом остались. Я покопалась в загашниках с записями, старыми письмами, выудила тонкие мятые ли-

сточки почти папиросной бумаги (как они вообще сохранились в хаосе моей жизни?) и начала читать.

Из дневника Влада Примакова

Самоутверждение? Русские тропики? Орхидеи, тигры, медведи? Реликтовый усач? Километры? Союз из конца в конец? Всё вместе?

Но конечным результатом всего явилось командировочное удостоверение, которое свидетельствовало о том, что я с Митей, Тасей и Аськой направляюсь на практику в Лазовский заповедник Приморского края.

Неважно, что поездке предшествовали длительные уговоры декана, огромное число полученных и отправленных телеграмм, волнения, хлопоты.

Харьковский аэропорт. Попрощались, я присоединился к ребятам. «Началось, – подумал, пристегивая ремни, – а ведь недавно вот так же пристегивался, отлетая в Кушку».

Мытарства. (На Востоке не ложитесь спать без брюк).

Наконец, настал час, мы погрузились в трансконтинентальный лайнер и... вскоре:

– Наш самолет пролетел над Ханты-Мансийском, – раздался голос стюардессы.

Хабаровск. На площади ярко горят лампы. А где же бабочки? Накрапывает дождь. А потом Владивосток, аэропорт Артём. Бежать. Бежим в кассу местных авиалиний. Очередь.

Билетов нет. Ночь. Гостиница. Нелетная погода. Тайфун.

Добирались автобусом. Заночевали в Сергеевке, в местной гостиничке. А ночью у меня украли все деньги. Митя спал одетым, и все осталось при нем, а я, дурак, разделся. Устал, да и долго слушал рассказы соседа по комнате про его приключения, и вот...

Преддверие (Вокруг таятся опасности)

В честь нашего приезда Валера и мы устроили праздник. Сидя на полу в спальниках, мы попивали ром и вели неторопливую беседу о приятно волнующих вещах – тиграх, медведях, горалах, женьшене... Через несколько дней он пообещал нам показать кордоны, где мы будем работать.

Нетерпеливая Аська тем временем достала кварцевую лампу и включила ее. И полетели... В толпе кружащихся пядениц, совок, бражников появилось нечто похожее на летучую мышь. Эта «мышь» села на стену и оказалась великолепной бабочкой – сатурнией Артемидой.

Ночью я подвергся нападению Аськи, которая таки сожгла себе глаза ультрафиолетовой лампой. Она, невзирая на мой глубокий и спокойный сон, на ощупь пробралась ко мне и методично стала толкать, убеждая, что я негодяй. Как оказалось, через полчаса, когда она меня всё-таки разбудила, Ася вообще не может открыть глаза. И умоляет меня сходить за чайной заваркой, в надежде, что примочки помогут.

Начало

Сопки – не оторвать глаз.

– А вот тут тигр лошадь завалил, – рассказывает Валера, показывая на место в десяти шагах от дороги. – Люди и машины ехали, кричали, махали руками, а прогнать не смогли.

И дальше следует рассказ о тиграх испорченных, которые портят репутацию всем тиграм вместе взятым. Как и среди людей, у тигров существуют особи, приспособившиеся к поеданию домашних животных. Таких зверей можно поставить вне закона. А зачастую бывает так: один виноват, а уничтожают под горячую руку всех.

На наше счастье, мы попали на попутную машину. Доехали до Соколовки, оттуда начинается дорога в сторону заповедника. Километров десять пришлось пройти с тяжелым рюкзаком, благо Валера не стал подшучивать над горе-таежниками.

Вдоль дороги цветы. Жарки и лилии тигровые, желтые, какие только можно придумать. Наклоняюсь понюхать – они не пахнут. Видимо, природа не стала добавлять аромат к изумительной красоте цветов.

Дошли до кордона Сяухе. Дальше решили идти завтра. Как во сне отмечал я множество насекомых. Некоторых собирал, но что за сборы дрожащими от усталости руками?

Наутро, разбитый и измученный, я впрягся в изрядно опустошенный рюкзак (Ася и Митя оставили свои вещи на кордоне и разгрузили меня). Через несколько километров почувствовал силу в ногах и пошёл быстрым шагом. Замель-

кали затёски, по которым ориентируются при ходьбе по тайге – я ещё прибавил шаг. Через некоторое время оторвался от остальных. Словно в забытьи я почти бежал, находя время, чтобы восхититься суровой красотой тайги по сторонам тропы. Вдруг сзади покотился камешек, треснула ветка, послышалось сопение и совсем близкие шаги. От ужаса я первое время лишь ускорил шаг, не решаясь обернуться, но вот дыхание у самого затылка... Я резко поворачиваюсь и вижу Аську. Покрасневшая, лохматая, она, видимо, находилась в том же состоянии, что и я. Спотыкалась, дышала с большим трудом, но бежала по таёжной тропе, ориентируясь по затёскам. Мы перекинулись несколькими словами, судорожно сдерживая тяжелое дыхание, чтоб, не дай Бог, не показать свою усталость, и побежали дальше. Вначале всё шло хорошо. Затёски были хорошие, заметные, тропа чувствовалась под ногами, но вот на одном из поворотов затёски исчезли. Не оказалось их и сзади. Лишь телефонные столбы остались от цивилизации. Решили идти по столбам. Пошли. Пришли... В болото. Вначале несколько неудобно было, что грязь попадала в сапоги, потом привыкли, честолюбиво желая первыми добраться до кордона Тачингоуз. Но болото не прекращалось, только становилось всё глубже. Остановились и поняли, что заблудились окончательно. Так и сидели бы, если бы нас не нашел Валера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.